

Сергей ЖЕНОВАЧ:

МОСК. ПРАВДА. - 2005. - 18 ФЕВРАЛЯ. - С. 5

Без любви не возникает ничего

ЛЮДМИЛА НЕЛКИНА

Он один из самых успешных, востребованных и плодотворно работающих режиссеров Москвы. Его спектакли в «Мастерской П. Фоменко», в театре-студии «Человек», в Театре на Малой Бронной вызвали живейший интерес публики и повышенное внимание критиков. Его постановка комедии Островского «Правда - хорошо, а счастье лучше» в Малом театре получила несколько престижных наград, в том числе Госпремию России...

- Ставя спектакли в московских театрах, каждый из которых придерживается своего стиля, своего метода, как вы вписываетесь в разные системы координат?

- Жизнь подсказывает. А я могу только выбрать то, что предлагается судьбой. Так уж случилось, что все театральные начинания, в которых я принимал участие, возникали от предложенных. Это всегда было органичным продолжением человеческих отношений.

По складу я человек домашний и очень люблю работать с теми, кого люблю и чувствую. Для работы в новых театрах мне требуются дополнительные усилия, чтобы входить в новые пространства, знакомиться с людьми, находить общий язык. Да, люблю работать с близкими, знакомыми мне людьми, когда все понимают друг друга с полуслова и возникает почти интимная творческая связь во время репетиций.

У меня всегда много предложений, но отношусь к ним настороженно. Когда же встретился с Юрием Мефодьевичем Соломиным и возникла идея на основе грибоедовской пьесы поработать с тремя поколениями артистов старшего театра, мне показалось это увлекательным, интересным и для себя полезным. А после «Горя от ума» уже появился спектакль «Правда - хорошо, а счастье лучше».

Поработать в Художественном театре мне предложил Олег Павлович Табаков. Когда возникла затея постановки «Белой гвардии», я, конечно, согласился. Есть такие предложения, такие произведения и такие театры, от которых невозможно отказаться. Тем более что Табаков сейчас выстраивает свой театр, привлек к работе много замечательных артистов, и хотелось проверить их в одной большой работе. Для

меня основополагающим является вот что: команда артистов. Важно, чтобы возникло содружество людей, близких, как говорится, по группе крови. Только тогда репетиции доставляют радость и удовольствие. А без радостных репетиций работа обесмысливается. Это лишь со стороны кажется, что я попадаю в разные театры с разными стилями. На самом деле, по судьбе - это все очень близкий замес.

- Как вы находите общий язык с теми, с кем прежде не работали?

- Стараюсь выбирать артистов, близких тому театру, который я люблю. Иногда бывают ошибки, но если ты любишь артиста и пытаешься вместе с ним сочинить роль, то и он оборачивается к тебе доброй стороной... В спектакле не все роли главные. Тем важнее понимание общего целого. Мне кажется, действительно нет маленьких ролей, хоть эта фраза и банальна. Надо просто в каждой роли найти то, что интересно сыграть. Найти тему и артиста, которому была бы интересна эта история. Если человек откликается - замечательно. Если нет, значит, лучше взять другого. Здесь не должно быть обид. Лучше в период предварительного разговора-договора расстаться, чтобы не мучить друг друга во время работы. Без любви не возникает ничего, не рождается театральное сочинение.

- На ваш спектакль «Правда - хорошо, а счастье лучше» пролился целый дождь наград. Такой ошеломляющий успех не страшит?

- Когда сочиняешь спектакль, меньше всего думаешь, как в итоге сложится жизнь вокруг него. Хочется, чтобы не столько поддержали работу, сколько почувствовали. Потому что нередко критики хвалят или ругают спектакль, но не

улавливают его структуру, проходят мимо наиболее существенных вещей. Повторяю, важно, чтобы возникло восприятие спектакля по существу. А если твоя работа как-то отмечается, то спасибо тому, кто ее заметил и поддержал.

- Пьесы «Горе от ума» и «Правда - хорошо...» имеют длительную историю постановок на сцене Малого театра. Как вам удалось увлечь своим замыслом актеров, большинство из которых видели предыдущие версии этих пьес в родном театре?

- Для меня первооснова работы - это драматургия, которая воспринимается сегодня. В ней всегда заложена некая событийная структура, независимая от времени, от индивидуальности того или иного артиста или какого-либо режиссера. Всегда нужно идти за этой структурой мышления, за правдой чувств автора и по-своему пытаться перевести их в сценический язык ритмов, пространства, театрального времени. И тогда, если люди чувствуют автора и им интересны персонажи, если они тебя понимают, то мы вместе идем в этот длительный поход. В театре нельзя ничего повторять, потому что это временной вид искусства. Он умирает в секунду рождения. Вот идет сцена, вот она заканчивается, и она уже умирает. И никогда больше не будет такой, как сегодня. Даже если одни и те же артисты в этих же костюмах, в этом театральном пространстве, с этим определением действия и мизансцен завтра вечером будут повторять эту сцену, они будут повторять ее по-другому. Возникнет другое качество. В этом - природа живого театра. Каждый раз спектакль идет, словно впервые. То есть все продуманные мизансцены, найденные интонации, музыкальное решение - лишь повод для того, чтобы артисты играли спектакль в том настроении, в том самочувствии, которые им в этот вечер присущи.

- А вы видели спектакли, которые предшествовали вашим постановкам?

- Ну естественно. Приступая к работе, сначала всегда идешь от пьесы, от автора. Но когда понимаешь, что ты эту

пьесу чувствуешь, и у тебя возникает замысел будущего спектакля, тогда просто необходимо рассмотреть все, что делается сегодня и что происходило раньше. В этом заключается культура режиссера. Смотреть все и понимать. Не для того, чтобы потерять что-то свое, а для того, чтобы утвердиться в своем.

- Вы ставите спектакли главным образом по произведениям русских классиков. А современную пьесу не хотите поставить?

- Таких, которые бы были на равных с пьесами Чехова, Булгакова, Островского, я пока не вижу. Хотя, конечно, театр жив только современной драматургией. Всегда хочется ставить то, чем ты сейчас живешь.

- Часто ли вам удается побывать в театре зрителем? По каким критериям вы оцениваете свои спектакли и спектакли, поставленные другими режиссерами?

- Собственные судить невозможно. Это самообман. А спектакли коллег смотреть, конечно, необходимо. Для меня это потребность.

- А что в вас оставило след в последнее время?

- Я бы не хотел обсуждать эту тему. Считаю неверным, когда режиссеры начинают говорить о коллегах.

- Работая в различных театрах, вы ведь еще активно преподаете, ведете актерско-режиссерский курс в ГИТИСе. Во имя чего?

- Педагогика для меня - самое, может быть, важное в жизни занятие. Это внутренняя потребность и необходимость. Если не встречаю с молодыми, если не чувствую, пусть это будет громко сказано, завтрашний день театра, мне и практически театром неинтересно заниматься. Особенно меня волнует воспитание молодых режиссеров. Я вообще считаю, что театр определяется режиссерами. Не потому, что они самые умные, самые главные, а потому, что они приносят идею, вокруг которой кристаллизуется, образуется спектакль. Театр - это профессия результата. Как это не банально звучит, но в театр вкладывают деньги. К твоей выдумке подключается огромный театральный организм. Очень много людей работают на тебя. Шьют костюмы, изготавливают декорации и прочее. Ты не можешь, не имеешь права ошибаться. Лимит ошибок должен быть исчерпан во время учебы. Какое счастье работать с молодыми ребятами, которые еще имеют право на ошибку! И ты вместе с ними можешь позволить себе ошибиться.

Для меня очень важно помочь молодым режиссерам и артистам поверить в себя, почувствовать профессию, открыть ее в себе. Хочется, чтобы все у них в театре складывалось, чтобы они могли разрушить грань между тем, чего они хотят, и тем, что они могут.

- Вы не мечтаете о собственном театре, созданном совместно с учениками, как это сделал Петр Наумович Фоменко?

- Театры не возникают по твоему желанию. Они рождаются, когда появляется необходимость. Для появления нового театра должно быть очень много разных причин и факторов. Если судьба предоставит такую возможность, надеюсь, буду к этому готов.

Наталья ПАШКИНА.
На снимке: С. Женовач за чтением новой пьесы.